Ольга Серэс

Демоны спасения

Чертоги отражений

Ольга Серж

Демоны спасения: чертоги отражений

«Автор»
2025

Серж О.

Демоны спасения: чертоги отражений / О. Серж — «Автор», 2025

Анатасия Ди Люц, наследница могущественного рода демонов, готовится к экзамену, который откроет ей путь к власти. Но её сестра Тэрри дарит ей браслет с лунным дионом — смертельно опасным для демонов камнем из Рая. Вместо смерти Тас оказывается запертой в теле обычной человеческой студентки Алисы, вынужденной жить в чужом мире. Её место в Аду занимает настоящая Алиса, теперь вынужденная притворяться могущественной демонессой под присмотром верного рыцаря Тиабольта. Чтобы вернуть всё на свои места, им придётся найти способ разорвать зеркальную связь между мирами. Но они все понимают, что подмена была не случайной ошибкой, а частью чьего-то тщательного плана. Цена возвращения окажется гораздо страшнее, чем они могли представить — чтобы один мир обрёл свою хозяйку, другой должен потерять героя. Это история о цене выбора, о том, где заканчивается верность и начинается жертва, и о том, что у каждого, будь то демон или человек, есть своё отражение, на которое страшно смотреть.

© Серж О., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Лунный дион 7
Глава 2. Разбитое отражение 10
Глава 3. Чужая кожа 14
Глава 4. Усталость и зеркало 21
Глава 5. Другая 26
Глава 6. Тень надежды 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Ольга Серж
Демоны спасения: чертоги отражений

Ничто не является тем, чем кажется. Особенно мы сами.

Пролог

Ад никогда не был тем местом, каким его представляют земные проповедники. Нет здесь котлов с кипящей смолой, ни грешников, вопящих в вечных муках. Наш мир — точное отражение вашего, только с иными правилами.

Мой отец, Архидемон Алион, часто повторял: «Мы не мучители душ. Мы — те, кто показывает людям их же отражение».

Мы дышим тем же воздухом, пьём ту же воду. Лишь оттенки жизни здесь… насыщеннее.

Особенно смешно слышать, будто демоны жаждут человеческих душ. Зачем нам ваши искорки, когда у нас есть собственные войны, политика и даже академии? Лишь один процент моей расы заключает контракты с людьми — и то из личного интереса.

Хотя иногда эти контракты приводят к забавным ситуациям. Один мой знакомый демон триста лет коллекционировал души поэтов — представляете, какая у него библиотека? Впрочем, большинство из нас предпочитает более осязаемые развлечения.

Я, например, обожаю дуэли на закате, когда тени от рогов рисуют на стенах причудливые узоры. Или споры о философии в старых библиотеках, где фолианты шепчутся между собой.

Но главное отличие ада от человеческих представлений — здесь нет вечных мук. Есть вечная жизнь. Со всеми её радостями, горестями и… экзаменами.

Да-да, даже демонам нужно сдавать экзамены. Особенно если ты — как я — претендуешь на титул.

Но об этом позже. Сейчас важнее другое: ад — не проклятие. Это просто другая сторона реальности.

И поверьте, у нас есть своя прелесть.

…И если Ад — зеркало вашего мира, то Рай — его искажённое отражение в кривом стекле.

Там нет ни облаков, ни арф, ни вечно поющих херувимов. Только бесконечные мраморные залы, уходящие ввысь шпили библиотек с книгами, написанными светом, и сады, где растут цветы из осколков людских воспоминаний.

Вместо солнца над Раем плывёт Сфера Гармонии — идеальный шар из сгущённого времени, где одновременно видны все моменты. Прошлое, настоящее и возможные варианты будущего переплетаются в вечном танце. Его свет не греет, но даёт ощущение абсолютной правильности бытия.

Ангелы не носят белых одежд — они предпочитают доспехи из застывшего звёздного вещества. Их крылья — не пух и перья, а лопасти из чистого света, способные рассечь демона пополам одним взмахом.

И да, они тоже сдают экзамены. Просто вместо магии у них — геометрия божественного, вместо заклинаний — формулы мироздания.

Но самое забавное? Мы, демоны, и ангелы — не так уж отличаемся. Разве что они верят в порядок, а мы — в хаос. Они коллекционируют добродетели, мы — грехи.

И всё же… иногда, очень редко, кто-то из нас пересекает границу.

И тогда начинается самое интересное.

Ещё немного о структуре Ада:

Нижние Земли. Территория хаоса, где обитают низшие демоны.

Срединные Круги. Города, академии, дворцы. Здесь живёт наша семья и остальные демоны высшего порядка.

Граница. Место столкновения с Раем, где пространство трескается, как стекло. Там можно встретить странных существ — ни ангелов, ни демонов, тех, кто когда-то выбрал «ни то, ни сё». Они называют себя Пограничниками и живут в домах из спрессованных снов.

Но самое удивительное — Чертоги Отражений. Там стоят зеркала, показывающие не внешность, а суть. Демон, посмотревший в такое зеркало, увидит себя ангелом, каким мог бы стать. А ангел… увидит своего внутреннего демона. Поэтому доступ туда строго ограничен.

Глава 1. Лунный дион

Солнечный луч, пробившийся сквозь витраж с изображением семи кругов ада, играл бликами на страницах моего трактата. Каждый цветной осколок отбрасывал на пергамент причудливые тени — кроваво-красные, нефритово-зелёные, глубокие фиолетовые. Я провела пальцем по схеме торговых маршрутов XVII эры, оставив едва заметный след.

В голове крутились формулировки для завтрашнего экзамена, когда…

— Тас, ты ещё долго будешь в книгу пялиться?

Голос Тиабольта прозвучал у самого уха. Я вздрогнула. Он махнул рукой перед моим лицом, и капля чернил с пера упала на схему. Прежде чем я успела возмутиться, он уже плюхнулся в кресло напротив. Древний дуб жалобно скрипнул.

— Шесть часов. — Процедила я, снимая очки. — Шесть часов я разбираюсь в таможенных пошлинах времён Великого Раскола, а ты…

— Да забей, с учебой у тебя и так все прекрасно. — Он перегнулся через стол, и его чёрные пряди с медной рыжиной упали мне на страницу. От него пахло дымом, сталью и деревом — видимо, опять тренировался с новобранцами. — Жакли, например, после экзаменов ревела так, что у неё левый рог треснул, когда увидела твои оценки. — Тиабольт осклабился. — Даже старик Филип вчера за рюмкой каликара бубнил про «эту девчонку, которая всех переиграет».

Я прищурила серповидные зрачки. Необычно оживлённый блеск в глазах, лёгкое подрагивание уха — Ти редко заходил просто так. За его болтовнёй скрывалась либо глупая просьба, либо большая проблема.

— Говори. — Я щёлкнула пальцами, и тень от полки нехотя подвинулась, давая больше света. — Что на этот раз?

Он заёрзал. Когти забарабанили по рукояти кинжала.

— Ну… ты же знаешь его новую пассию? — Он сделал паузу. — Та, с фамилией вроде «Речной туман»?

— А-а. — Я откинулась на спинку кресла. — Та, что в прошлый раз подожгла его парадный плащ адским пламенем?

— Именно! — Ти вскочил и замахал руками. Его тень на стене повторяла движения в гротескном преувеличении. — Сегодня она ворвалась на арену с криком «Изменник!» и вцепилась ему в гриву. Я думал, он её шпагой приколотит, но он… — Тиабольт замер. — … засмеялся. Прямо как в тех глупых романтических балладах.

Я представила эту сцену: Филип — двухметровый демон с рогами-клинками, шрам через левый глаз — терпеливо сносит атаку девушки, чья голова едва достаёт ему до груди.

— У каждой его любовницы характер, как пороховая бочка в нефтяном озере. — Заметила я, поправляя заколку. — Удивляюсь, как они его до сих пор не убили.

Ти внезапно замолчал, пальцы нервно забарабанили по кинжалу. В воздухе запахло серой — верный признак беспокойства.

— Тас. — Он нахмурился, и тень на стене стала острее. — Тебе не кажется это странным?

— Что именно?

— Ну… — Он провёл рукой по лицу. — Зачем ему десятки женщин, если можно найти одну…

Я резко наклонилась вперёд.

— Ты когда успел романтиком стать? — Спросила я наигранно-изумлённо. — Позволь осмотреть тебя. — Я протянула руку, делая вид, что проверяю лоб. — Где ударили? Ничего не болит? Может, вчерашняя тренировка на плато Серы отшибла тебе голову?

— Замолчи! — Он отпрянул, покраснев до кончиков ушей. — Я серьёзно!

В этот момент дверь библиотеки с грохотом распахнулась. В проёме стояла Мика. Её чепец съехал набок, обнажив маленький рог, руки дрожали так, что звенели подвески на запястьях.

— Госпожа. — Она глотнула воздух. — Леди Тэрри… она в приёмной и… — Горничная бросила взгляд через плечо. — …она не одна.

Ледяная тяжесть опустилась в живот. Последний раз, когда Тэрри приходила «не одна», она привела прирученного базилиска, который съел половину служанок.

Я резко встала. Белые волосы, заплетённые в сложную косу, ударили Тиабольта по лицу.

— Похоже. — Прошептала я, чувствуя, как в жилах пульсирует мана. — Сегодняшний вечер будет интересным.

Приёмная находилась в противоположном крыле. Обычный путь занял бы пятнадцать минут, но сейчас у меня не было времени на церемонии.

Я закрыла глаза. Мана сгустилась в вихрь из чёрных искр. Мгновенное перемещение — техника, требующая точности. Одно неверное движение — и я материализуюсь внутри стены.

Воздух с хлопком сжался. Через мгновение я стояла у резных дверей приёмной. Ещё не открывая их, услышала знакомые визгливые нотки. Голова мгновенно стала тяжёлой. Каждый раз одно и то же.

Дверь отворилась сама под моим взглядом. Внутри царил хаос: служанки прижимались к стенам, с потолка падали осколки хрустальной люстры — очередная жертва её вспыльчивости.

Тэрри заметила меня мгновенно.

— Таси! — Её чёрные локоны развевались, когда она бросилась ко мне.

Я уклонилась от объятий.

— Если хочешь покричать, иди в сад. — Холодно сказала я, проходя к креслу у окна. — От твоих визгов трескается лепнина. Ремонт будешь оплачивать из своих карманных.

Тэрри замерла. Фиолетовые глаза сверкнули обидой, но почти сразу в них появилось что-то ещё… беспокойство.

— Где ты пропадала? Я заждалась!

— У меня есть дела поважнее. — Я откинулась на спинку. — Через неделю экзамен по внешней экономике, а ты…

— Всегда у тебя дела! Всегда занята! — Тэрри сжала кулаки, и по комнате прокатилась волна тепла — неконтролируемый выброс маны.

— Либо говори, зачем пришла, либо уходи.

Наступила тишина. Даже служанки перестали перешёптываться.

Тэрри опустила глаза и провела рукой по шее — жест, который я узнала сразу. Так она вела себя в детстве, когда что-то натворила и боялась признаться.

— Я… хотела сделать тебе подарок. — Она подошла к столику и взяла красный свёрток. — На удачу. Перед экзаменом.

Я нахмурилась.

— Ты же знаешь, я не верю в удачу. — Но всё же протянула руку.

Ткань развернулась. Браслет: серая шёлковая лента с белым камнем, который на свету отливал слабым розовым.

— Раз ты получила подарок, не буду отвлекать. — Тэрри убрала прядь с лица и вышла.

Дверь захлопнулась с такой силой, что хрустальные подвески на люстре зазвенели, как погребальный звон.

Я осталась сидеть, сжимая браслет. Его холод проникал сквозь кожу.

Тишина.

Наконец-то.

Однако странное чувство сковало грудь. Может, стоило быть помягче?

Я закрыла глаза, вдыхая аромат ладана. Всего несколько минут покоя перед тем, как…

Глухой звук заставил меня вздрогнуть. Мика медленно оседала на паркет. Её лицо было мертвенно-бледным, из носа струйкой бежала чёрная субстанция — концентрированная мана.

Тук. Тук.

Ещё две служанки рухнули.

— Что… — Я попыталась встать, но ноги стали ватными.

Воздух загустел, наполнившись золотистыми искрами — неконтролируемый выброс маны. Но это была не моя энергия.

Браслет. Камень. Лунный дион.

Минерал добывали только в Райских землях. Для демонов он был смертелен. Но Тэрри… она ведь знала?

— Всем… вон… — Выдавила я.

Служанки бросились к выходу, подхватывая потерявших сознание. Последней вышла старшая горничная — она метнула на меня испуганный взгляд и положила ладонь на голову, между рожками. В нашем мире это означало прошение о спасении души.

Дверь закрылась.

Тьма сгущалась по краям зрения. Пальцы онемели. Где-то вдали раздался крик — возможно, Тиабольт почуял неладное.

Я снова посмотрела на браслет. Лунный дион светился изнутри, розовый оттенок становился всё ярче.

«Нет…»

Паралич распространялся с пугающей скоростью. Я пыталась пошевелиться, крикнуть. Даже веки стали тяжёлыми.

Последнее, что я увидела, — как дверь распахнулась и в комнату ворвался Тиабольт.

— Тас! Что случилось?!

— Лунный… дион. — Из последних сил я взглянула на браслет и закрыла глаза.

Голос Ти тонул в нарастающем гуле. Самое важное — не дать моей мане поглотить душу человека, ведь после этого возвращение под вопросом.

Я хотела что-то сказать, но мир взорвался ослепительным светом…

…а затем погрузился во тьму.

Глава 2. Разбитое отражение

Тяжёлые дубовые двери библиотеки мягко захлопнулись за спиной уходящей Тас. В просторном зале воцарилась тишина. Лишь слабый треск магических огней нарушал безмолвие.

Анатасия действительно проводила здесь слишком много времени в последние недели — по восемь-десять часов ежедневно. «Академические исследования», — говорила она, но я знал её слишком хорошо. Это был побег. От чего-то, что она не хотела признавать.

Воздух в библиотеке всё ещё был насыщен её маной — густой, тяжёлой, с едва уловимыми нотками тревоги. Обычные слуги находиться здесь не могли: их бледные лица и учащённое дыхание всякий раз, когда они осмеливались зайти, говорили сами за себя.

Сильный подавляет слабого.

Тас ненавидела эту истину всем сердцем, но даже она не могла её избежать.

Я поднялся и потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки. На столе — аккуратные стопки книг, разложенные с болезненной педантичностью. По авторам? По хронологии? А может, по какому-то своему, только ей понятному принципу.

Перфекционизм Тас всегда граничил с одержимостью. В академии её конспекты были образцовыми, в спальне — ни пылинки, шкафы с одеждой рассортированы по цветам и сезонам. Интересно, она и в туалет по расписанию ходит?

Ухмыльнувшись, я взял верхнюю пачку книг и направился к полкам.

— «История реки Аид». — Прочитал вслух, скривившись. Три толстенных тома в потрёпанных кожаных переплётах. — Ну и скучища.

Я запихнул книги между «Геомантией древних» и «Трактатом о подземных источниках» и уже развернулся к столу, когда…

Боль.

Резкая, обжигающая, будто под рёбра вогнали раскалённый клинок. Воздух стал густым, как расплавленный свинец. Я схватился за полку, чувствуя, как пальцы впиваются в дерево.

Взрыв маны.

Этот вкус — металлический, электризующий — невозможно спутать ни с чем. Последний раз я ощущал нечто подобное пять лет назад на границе с Демоническими землями, когда отряд чернокнижников устроил засаду на наш караван. Тогда всё закончилось двенадцатью трупами и кратером диаметром в полмили.

Но здесь… Здесь не было ни ярости, ни боевой магии.

Что-то было не так с самой Тас.

Собрав волю в кулак, я сделал глубокий вдох. Воздух обжёг горло, но другого выхода не было — нужно двигаться.

Мана пульсировала в воздухе, тяжелая, как предгрозовая туча. Она вела меня, словно невидимый шнур. Я бежал, едва не спотыкаясь о тела обессилевших слуг, разбросанных по коридору.

Горничные лежали без сознания. Лица бледны, губы слегка посинели. Но грудь ещё поднималась — слабо, прерывисто. Значит, не всё потеряно.

Перед поворотом я резко остановился.

Из полумрака коридора на меня смотрели холодные, словно лезвие ножа, глаза.

Тэрри.

Она стояла у двери в приёмную, облокотившись о косяк. Тонкие губы растянулись в ухмылке.

— Спешишь? — Её голос был сладким, как яд.

Я не успел ответить. Она растворилась в тени. Лишь лёгкий шелест платья выдал исчезновение.

Чертова тварь.

Но разбираться с ней сейчас было некогда.

Я рванул к двери и ударил по ней плечом. Дубовые створки с грохотом распахнулись.

— Тас! Что случилось?!

Комната была залита неестественным светом — мана конденсировалась в воздухе, переливаясь сине-фиолетовыми всполохами, будто северное сияние, запертое в четырёх стенах.

В центре — она.

Когда я бросился к ней, она медленно подняла голову. У меня перехватило дыхание.

Её глаза были пустыми. Безжизненно-бледными, затянутыми молочной пеленой.

— Лунный… дион…

Её голос едва слышен, словно из-за толстого слоя стекла.

— Тас, как ты могла не заметить что-то настолько очевидное?!

Крик прозвучал хрипло, почти надрывно. Я схватил её за плечи. Тело безвольно качалось.

— Ты понимаешь, что можешь больше не вернуться?!

Гнев, страх, отчаяние — всё смешалось в один клубок.

— Дура! Дура! Дура!

Я тряс её, словно пытаясь вытрясти яд. Но взгляд оставался пустым, устремлённым сквозь меня.

Она уже не здесь.

Её сознание ускользало в пограничье — туманную грань между миром живых и царством теней.

Я схватился за рога так сильно, что костяные наросты затрещали. Боль пронзила череп, но я лишь сильнее сжал их.

Треск. Капля чего-то тёплого скатилась по виску. Кровь.

Но даже эта боль не принесла облегчения.

Минуты тянулись, как смола. Я стоял, сгорбившись, пока дрожь в руках не начала стихать.

Вдох. Выдох.

Опустившись на колени перед Анатасией, я медленно выпрямился. Грудь всё ещё горела тревогой, но мысли начали проясняться.

Комната встретила гнетущей тишиной. Воздух пропитан остаточной маной и горьковатым привкусом лунного диона. Единственный источник света — узкое окно, сквозь которое пробивались лучи заката. Они мягко ложились на лицо Тас, подсвечивая ресницы и делая кожу почти прозрачной.

Слишком бледной.

Я заставил себя смотреть на неё:

· Грудь едва заметно поднимается.

· Пальцы расслаблены.

· Губы слегка посинели.

Нет.

Я резко отвернулся, сжимая кулаки.

«Она просто уснула. — Шептал отчаянный голос в голове. — Сейчас проснётся, посмотрит на тебя и спросит…»

— «Почему не разбудил? У меня столько дел!»

Я сам мысленно закончил за неё. В горле встал ком.

Какой же я дурак.

Я протянул руку, едва не касаясь её щеки, но в последний момент остановился.

— Ты ведь всегда говорила, что ненавидишь, когда я лезу со своими дурацкими спасательствами…

Голос сорвался на хриплый шёпот.

Но на этот раз она не проснётся, чтобы огрызнуться. Не вскочит с возмущённым «Я сама разберусь!». Не бросит в меня книгой.

Тишина.

И в этой тишине я наконец признал: я не знаю, как её спасти. Но должен попытаться.

Даже если для этого придётся нырнуть в бездну следом.

Время застыло. Мысли гудели роем ос.

И тогда Тас начала приходить в себя.

Нет. Это не она. Я видел это по дрожи ресниц, по тому, как пальцы судорожно сжимают складки платья — слишком нервно, слишком непривычно для Тас. Она никогда не позволяла страху отражаться на лице.

Но главное — глаза. В них не было стальной уверенности. Только растерянность и животный ужас, медленно сменяющийся осознанием.

Каждая секунда молчания была подобна капле расплавленного свинца. Я должен что-то сказать, успокоить, но слова застревали в горле.

И тогда…

— Тиабольт?

Её голос прозвучал так тихо, что я едва расслышал. Но в нём была надежда. Хрупкая, как первый весенний лёд.

Сердце бешено колотилось.

Она узнала меня. Значит, не всё потеряно?

Но следующий миг разбил иллюзии. Её лицо снова исказилось в мучительном недоумении. Это не осознанное узнавание. Это эхо, обрывки воспоминаний, случайно всплывшие в новом сознании.

Я медленно кивнул.

— Да, это я. — Я заставил голос звучать ровно. — Но кто ты?

Тишина. За окном пролетела ворона, её крик на мгновение нарушил гнетущую атмосферу.

— Алиса.

Она произнесла это чётко. Увидев, как моё лицо исказилось от боли, вдруг заколебалась.

Алиса. Чужое имя в устах, которые должны были принадлежать ей.

Я закрыл глаза.

— Даже не знаю, что сказать…

Глубокий вдох. Выдох.

Когда я снова заговорил, голос звучал глухо, будто из-под воды:

— Теперь ты — Анатасия.

Я указал на зеркало в углу. Его поверхность, обычно безупречно чистая, сейчас казалась мутной, покрытой тонкой дымкой.

— А она — ты.

Алиса резко повернула голову.

Её отражение в зеркале было неправильным для нее. Там, в глубине стекла, стояла совсем другая девушка — с более мягкими чертами лица, светлыми волосами и широко распахнутыми глазами, полными ужаса.

Новая Анатасия вскрикнула и отпрянула, вжавшись в кресло.

— Это… невозможно…

Её голос дрожал, в глазах читалось отрицание.

Но зеркало не лгало.

Где-то там, в другом мире, в другом теле, была настоящая Тас.

И теперь мне предстояло объяснить этой напуганной девушке, что она навсегда останется в чужой шкуре. А самому — найти способ вернуть свою Анатасию.

Даже если для этого придётся разорвать саму ткань реальности.

Глава 3. Чужая кожа

Я медленно открываю глаза и мир обрушивается на меня тяжестью, от которой перехватывает дыхание.

Потолок.

Чужой, низкий, покрытый мелкими трещинами, будто паутиной. Солнечный свет, пробивающийся сквозь грязноватое окно, рисует на нем желтоватые пятна. Где я?

Паника поднимается по спине ледяными мурашками. Я резко сажусь – и тут же хватаюсь за виски. Голова раскалывается, как будто кто-то вогнал в череп раскаленный клинок.

Воспоминания накатывают волной.

Тэрри. Ее ехидная ухмылка. Браслет с лунным дионом, холодный, как смерть, в моей руке. Вспышка света – и…

Пустота.

Я сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль – хоть какое-то доказательство, что я еще жива. Но чего это стоит, если…

Я замираю, осознавая.

Я не чувствую маны.

Ни единой искры. Ни малейшей вибрации в крови. Только пустота – огромная, всепоглощающая, как если бы мне вырвали душу.

Я – Анатасия Люц, наследница рода, чья мана могла затмить лунный свет, теперь заперта в теле какого-то жалкого человеческого создания.

– Алиса, вставай! На учебу пора!

Голос.

Женский, резковатый, но теплый. Он доносится из-за двери, и я застываю, как зверь в капкане.

По всей видимости мать этой девушки.

Мозг лихорадочно соображает. Я должна ответить. Сыграть роль. Хотя бы для начала.

– Да, мам!

Мой голос звучит фальшиво даже для моих ушей – слишком высоко, слишком неровно.

За дверью наступает пауза.

– Ты в порядке? – Слышу я уже настороженный тон. – Голос какой-то… странный.

Черт.

Я глотаю ком в горле и заставляю себя рассмеяться – легонько, как, наверное, смеется эта… Алиса.

– Да все хорошо! Просто спала в неудобной позе!

Еще одна пауза. Затем вздох и шаги, удаляющиеся по коридору.

Я падаю обратно на подушку, закрывая глаза.

Что теперь?

Тело. Я осторожно разглядываю руки – тонкие, бледные, без когтей. Волосы, спадающие на плечи, – каштановые, а не белые. Даже кожа пахнет иначе – мылом и чем-то сладким.

Комната. Узкая кровать. Плакаты с какими-то человеческими музыкантами. Книги с закладками – *"История", "Биология", "Литература"*. Все так… *обыденно*.

Зеркало. Я подхожу к нему, и в отражении на меня смотрит чужая девушка. Карие глаза, круглое лицо, никаких рогов.

Это кошмар.

Но нет. Это реальность.

Я сжимаю край тумбочки, пока пальцы не белеют.

Тэрри…

Она заплатит за это. Клянусь Тьмой.

Но сначала мне нужно выжить здесь. В этом мире. В этом теле.

А значит – стать Алисой. Хотя бы на время.

Я глубоко вдыхаю и натягиваю улыбку – такую же ненастоящую, как и все вокруг.

– Ну что, "мама"… Поглядим, как долго я смогу играть твою дочь.

***

Кухня залита золотистым светом – утреннее солнце струится через занавески, рисуя на столе теплые блики. Воздух наполнен ароматами, от которых невольно сводит желудок: хрустящие тосты с медовой корочкой, горьковатый кофе, что-то сладкое, возможно, только что вынутое из духовки печенье.

Как просто устроен их мир, мелькает мысль, прежде чем я успеваю ее поймать.

Женщина у стола – мама Алисы – ловко расставляет тарелки. Ее движения точны, привычны, видно, что это утренний ритуал, повторяющийся годами. Когда она поворачивается ко мне, я замечаю морщинки у глаз, те, что появляются от частых улыбок.

– Ты выглядишь немного бледной, дорогая. Все в порядке?

Ее голос мягкий, но в интонации та самая родительская тревога, что проникает под кожу. Я замираю, чувствуя, как учащается пульс. Она заметит. Обязательно заметит.

Но когда ее рука касается моего лба (теплые пальцы, слегка шершавые от работы), я вижу в ее глазах только заботу – чистую, без примеси подозрений.

Странно.

В моем мире так не прикасались. Не смотрели. Не чувствовали.

– Да, чувствую сегодня не очень… Может, я пропущу учебу сегодня?

Слова даются с трудом. Я стараюсь звучать естественно, но внутри все сжимается – будто я проглотила камень. Обман здесь пахнет кофе и домашней выпечкой, и от этого он кажется еще грязнее.

Мама Алисы задерживает взгляд на мне – долгий, изучающий.

Проклятье.

Я мысленно перебираю варианты:

Если она откажет – придется идти в это "учебное заведение" и рисковать разоблачением.

Если согласится – у меня будет драгоценное время, чтобы разобраться в жизни Алисы.

– Конечно, я не настаиваю. Один день все равно ничего не изменит, можешь отдохнуть.

Она гладит меня по волосам – легкое, невесомое прикосновение. И вдруг я понимаю, что затаила дыхание.

Ее доброта обволакивает, как плед в холодное утро. Но я не могу позволить себе растаять, не сейчас. Не когда настоящая Алиса, возможно, кричит у зеркала где-то в моем мире.

– Спасибо. – Бормочу я, отводя взгляд к окну, где на подоконнике дремлет полосатый кот.

Фокус. План. Действия.

Пока мама наливает кофе, я анализирую:

Документы. На холодильнике прикреплены фотографии – Алиса с друзьями, Алиса на каком-то пляже. Нужно изучить каждую.

Телефон. Вот он, лежит на столе. Код? Отпечаток?

Компьютер. В соседней комнате, если судить по вчерашним воспоминаниям этого тела.

– Ты хочешь чай вместо кофе? Ты обычно его пьешь, когда плохо себя чувствуешь. – женщина ставит передо мной кружку с парящим напитком.

Ловушка.

Я моргаю. "Обычно"? Значит, Алиса – чаеман. А я чуть не схватила кофе.

– Да… – быстро отвечаю я, пододвигая чашку.

Мама улыбается – но в уголках ее глаз читается легкая озадаченность.

Слишком много ошибок. Слишком быстро.

Я сжимаю кружку, чувствуя, как жар проникает в ладони.

План:

Притворись больной – уйди в комнату под предлогом головной боли.

Изучи все – дневники, соцсети, фотографии. Узнай все об Алисе.

Найди слабое место – может, в этом мире есть следы магии? Книги? Легенды?

Ведь если Тэрри смогла отправить меня сюда… значит, где-то есть дверь назад.

И я ее найду.

Даже если придется перерыть этот мир до основания.

После завтрака квартира погрузилась в тишину, нарушаемую лишь тиканьем старых часов в прихожей. Я осталась одна – мама Алисы, попрощавшись мягким поцелуем в висок, ушла на работу. Дверь закрылась с тихим щелчком, и я впервые за этот странный день смогла вдохнуть полной грудью.

Квартира оказалась небольшой, но пропитанной теплом – совсем не похожей на мраморные залы моего дома. Здесь каждый уголок дышал жизнью:

Гостиная с потертым диваном, укрытым вязаным пледом.

Кухня, где на холодильнике магнитами крепились детские рисунки и счета за электричество.

Прихожая с аккуратно расставленной обувью и зонтами в деревянной подставке.

Но больше всего меня зацепили фотографии. Они были повсюду:

На стене – Алиса лет пяти, с косичками и в платье в горошек, сидит на плечах у улыбающегося мужчины (отец?).

На тумбочке – подростковая версия Алисы с двумя подругами, их лица размазаны кремом от торта.

У зеркала – семейное фото, где все трое обнимаются на фоне моря.

Какая простая, какая… настоящая жизнь.

Я провела пальцем по рамке, оставляя след на пыльной стеклянной поверхности. В моем мире не было таких фотографий – только портреты, написанные придворными художниками, где каждый жест, каждый взгляд идеален.

Наконец я вернулась к тому, с чего начала. Комната Алисы встретила меня запахом лаванды и старой бумаги. Солнечный свет, просачивающийся сквозь полупрозрачные занавески, освещал:

Кровать с горой подушек, одна из которых упала на пол.

Письменный стол, заваленный тетрадями и ручками с надкушенными колпачками.

Книжную полку, где учебники по биологии соседствовали с потрепанными романами.

Именно там я заметила его – открытый учебник по основам психологии.

Я осторожно перелистнула страницу.

"Микроэкспрессии: как распознать эмоции по мельчайшим изменениям мимики"

Рядом – закладка с пометкой: "Важно для экзамена!!!"

Мои пальцы непроизвольно сжали бумагу.

Неужели они могут читать мысли лишь по выражению лица?

В моем мире для этого требовалась мана, специальные заклинания или хотя бы родственная связь. А здесь…

Я прищурилась, рассматривая иллюстрации:

Брови, приподнятые на миллиметр – страх.

Губы, слегка поджатые – раздражение.

Веки, напряженные – ложь.

Так вот почему мама Алисы так пристально смотрела на меня за завтраком.

Я резко закрыла книгу.

Нужно быть осторожнее.

Но любопытство перевесило. На следующей странице красовалась диаграмма:

"Как распознать ложь: 7 признаков"

Избегание зрительного контакта (я постоянно отводила глаза!)

Нервные жесты (крутила чашку в руках…)

Чрезмерная детализация (я слишком подробно объясняла свою "болезнь")

Черт.

Я отбросила учебник и схватилась за следующий предмет на столе – дневник.

Кожаная обложка, потрепанная по краям, с замочком… который оказался не заперт.

Глупая, доверчивая Алиса.

Первая страница датирована прошлым годом:

"15 сентября. Сегодня снова видела этот сон. Тот самый, где я стою перед зеркалом, а отражение улыбается мне, когда я этого не делаю…"

Мое сердце замерло.

Не может быть.

Я лихорадочно пролистала дальше:

"3 ноября. Сон повторился. На этот раз "другая я" что-то говорила, но я не слышала слов. Проснулась в холодном поту. Мама говорит, что это стресс перед экзаменами, но…"

Последняя запись была сделана три дня назад:

"Сегодня в библиотеке нашла старую книгу о зеркалах. Там был рисунок точно, как в моих снах. Должна узнать больше. Если это не бред, то…"

На полях – небрежный набросок: зеркало с трещиной в форме молнии.

Точно, как в Чертогах Отражений.

Я вскочила, опрокинув стул.

Алиса что-то знала. Возможно, даже чувствовала этот мир.

А значит…

…где-то здесь есть ключ.

Время в комнате текло медленно, словно густой мед, и я наконец осознала – сидеть в четырех стенах, перебирая чужие вещи, бесполезно. Мне нужен был настоящий мир – его звуки, запахи, опасности. Тот мир, в котором мне предстояло выжить.

Я натянула легкую куртку (оказалось, она висела на крючке за дверью) и, впервые за этот странный день, вышла на улицу.

Город встретил меня шумом и движением.

Воздух – прохладный, с примесью выхлопных газов, жареных каштанов и чего-то цветущего.

Звуки – гул машин, смех где-то за спиной, далекая музыка из кафе.

Люди – они везде. Спешащие, разговаривающие, живущие своей жизнью.

Я замерла на тротуаре, чувствуя, как ветер играет моими волосами. Он был живым, этим ветер – не таким, как в моем мире, где даже воздух подчинялся воле сильнейших.

Свобода.

Это чувство обрушилось на меня неожиданно.

Никто здесь не знает, кто я. Никто не кланяется, не шепчется за спиной, не ждет, что я сожгу их взглядом за малейшую оплошность.

Я – никто.

И это было… восхитительно.

И эта первая прогулка превратилась в исследование.

Магазины с яркими вывесками, где люди покупали еду, одежду, безделушки. (Зачем им столько вещей?)

Кафе, где пары сидели за столиками, смеялись, целовались. (Так открыто? Без охраны? Без политики?)

Парк с детьми, бегающими по траве. (Их не учат сражаться? Не тренируют выносливость?)

Я шла, впитывая каждую деталь, каждую невероятную мелочь этого мира.

Но затем…

Первая опасность.

Мужчина в темной куртке (слишком теплой для этого дня) резко свернул в мою сторону. Его глаза скользнули по мне – оценивающе.

Он что-то заподозрил?

Я инстинктивно приготовилась к атаке – но руки были пусты. Ни кинжала, ни маны, ни даже тени, чтобы скрыться.

– Эй, красотка. – Он ухмыльнулся, показывая желтые зубы. – Ты тут одна?

Мое сердце забилось чаще. Но не от страха.

От ярости.

Он осмелился.

Я медленно повернулась к нему, улыбнулась (как в том учебнике – губы напряжены, глаза холодные) и сказала тихо, четко:

– Если ты не исчезнешь в следующие три секунды, твоя мать будет оплакивать то, что от тебя останется.

Его лицо исказилось.

– Да ты…

– Один.

Я сделала шаг вперед.

– Два.

Его зрачки расширились.

– Ты сумасшедшая! – Он резко отпрянул и зашагал прочь, оглядываясь через плечо.

Я рассмеялась.

Они боятся даже без магии.

День только начинался, а я уже чувствовала азарт, как будто играла в игру, где ставка, моя жизнь.

Пока я наслаждаюсь этой свободой.

Я зашла в кафе (как это делала *настоящая* Алиса?), заказала капучино (что бы это ни было) и села у окна.

За соседним столиком девушка с розовыми волосами что-то быстро печатала в телефоне.

Напротив – пожилая пара делила кусок пирога.

А за стеклом…

За стеклом отражалась я – чужая, но уже не совсем.

Кофе оказался горьким и обжигающе горячим. Я только-только поднесла чашку к губам, когда дверь кафе распахнулась с веселым звоном колокольчика.

– Алиска! Вот ты где!

Голос – звонкий, чуть визгливый – прорезал шум кофейни. Я медленно повернула голову и увидела их:

Трое девушек, одетых в яркие куртки и джинсы с искусственными порезами.

Первая (та, что крикнула) – рыжая, с веснушками и розовыми наушниками на шее.

Вторая – высокая брюнетка, с модным маникюром и холодным взглядом.

Третья – маленькая, с синими прядями в волосах, нервно теребящая брелок.

Подруги Алисы.

Мои пальцы непроизвольно сжали чашку.

Рыжая уже мчалась ко мне, размахивая руками:

– Ты что, заболела? Мы тебе сто раз звонили! Ты же знаешь, сегодня репетиция перед концертом!

Концерт?

Я заставила себя улыбнуться (как в учебнике – уголки губ вверх, глаза чуть прищурены) и сделала вид, что откашливаюсь:

– Простите, девчонки… Горло…

Брюнетка скрестила руки:

– Опять? – Ее голос звучал как лезвие по льду. – В прошлый раз ты тоже "болела", когда мы с Максом репетировали дуэт.

Синие пряди тихо добавили:

– Лера, не надо так…

Лера. Значит, брюнетка – Лера.

Я быстро просканировала воспоминания Алисы (ее дневник, фото на телефоне) и нащупала нить:

– Лер, я же говорила – у меня мама врач. Если она говорит "постельный режим", я не спорю.

Рыжая фыркнула:

– Да ладно! Ты же в кафе сидишь! Какая уж тут постель!

Лера не сводила с меня глаз.

– Ты странно говоришь. И сидишь как-то… по-другому.

Проклятье.

Я вспомнила учебник: *"Ложь выдает поза – если человек неестественно прям, он напряжен".*

Нарочно развалилась на стуле, бросила руку на спинку:

– Просто голова болит. А вы тут меня допрашиваете.

Синие пряди (Катя? Наташа?) вдруг оживились:

– Ой, а ты новые сережки купила? Такие классные!

Я машинально коснулась уха – действительно, в мочках были маленькие серебряные звезды.

– Да… подарок мамы.

Рыжая (Даша? Оля?) вдруг схватила мой телефон со стола:

– А пароль-то поменяла? Или все еще 0505?

Четыре цифры. День рождения?

Я резко выхватила телефон обратно:

– Отдай! Это личное!

Тишина.

Лера приподняла бровь.

– Ты никогда не злишься.

Кофе в моей чашке вдруг показался слишком холодным.

Рыжая захихикала:

– Может, это не Алиса, а ее злой двойник из параллельного мира?

Она не знала, насколько близка к истине.

Я собрала все актерские навыки (а их у демона хоть отбавляй) и выдала идеальную реакцию Алисы:

– Ладно, признаюсь… Я вчера смотрела "Достучаться до небес" и теперь представляю, что я – крутая преступница.

Синие пряди засмеялись. Лера покачала головой. Рыжая потянулась к моему капучино:

– Тогда я – твой кофе! Захватываю тебя в заложники!

Кризис миновал.

Но когда они ушли (после двадцати минут споров о концерте и каком-то Максе), я осталась с новой проблемой:

Они почти раскусили меня.

И если подруги за несколько минут заметили несостыковки…

Что будет, когда меня увидит кто-то более внимательный?

Я допила кофе (теперь действительно холодный) и вышла на улицу.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая город в золото.

Игра усложнилась.

Но я люблю сложные игры.

Глава 4. Усталость и зеркало

Два дня.

Целых два дня прошло, а воз и ныне там. Никаких продвижений, никакого прогресса, только эта бесконечная, изматывающая пытка. И этот проклятый запах.

Алиса пахла человеком.

Не так, как Тас – той холодной свежестью снега и тонкими нотами ладана, вплетенными в кожу. Нет. Алиса несла в себе тяжелый, сладковатый оттенок пота, липкий страх, что висел вокруг нее, как туман, и еще что-то… что-то неуловимое, не имеющее названия в этом мире. Как если бы в опочивальню Анатасии внесли охапку полевых цветов – ромашек, васильков, лугового разнотравья, а потом оставили их гнить на солнце, пока они не превратились в кислую, удушливую вонь, въевшуюся в стены, в одежду, в самое нёбо.

– Опять не так?

Голос ее дрогнул, словно она боялась услышать ответ. Пальцы, неуверенные и чужие в этом теле, попытались повторить жест – тот самый, которым Тас обычно отбрасывала волосы за плечо. Легко, небрежно, будто это было делом пустяковым, не стоящим усилий.

Белые пряди – не ее, никогда не ее – скользнули между ее пальцами, как шелковая нить. Я стиснул зубы до хруста в челюсти.

Черт возьми, она сделала это точно, как Тас.

Алиса даже не заметила. Она машинально запрокинула голову, когда одна из прядей – нет, не ее, никогда ее – упала на лицо. Тот самый надменный полу вздох, тот самый жест, будто она отгоняла не волосы, а назойливую муху.

Мое сердце резко дернулось, как загнанный зверь, ударившийся о клетку.

– Нет. – Я замер, подбирая слово, которое не ранило бы, но и не давало надежды. – Ты все еще делаешь это… – Пауза. – …как служанка, которая боится испачкать господню одежду.

Она сжалась, но я тут же добавил, чуть мягче:

– Хотя хвалю. Уже не похожа на деревянную куклу.

Алиса надула губы – жалкая, чисто человеческая привычка, которой не место в этом холодном, отточенном теле. Ее красные глаза – чужие, слишком яркие, слишком живые – сверкнули раздражением, и я поймал себя на мысли, что никогда не видел такого выражения на лице Анатасии.

– Ну простите, что я не родилась с вашей… – Она резко махнула рукой, словно отгоняя невидимых мошек, и этот жест был таким обыденным, таким простым, что у меня сжались кулаки. – …этой демонской грацией!

Я резко шагнул вперед, и она отпрянула, ударившись спиной о стену. Мои рога, черные, как смоль, отбросили на ее лицо густую, зловещую тень, исказив черты, на миг мне показалось, что передо мной не Алиса, а сама Тас, загнанная в угол.

– Ты сейчас в теле хозяйки этого дома. – Прошипел я, наклоняясь так близко, что почувствовал ее горячее, нервное дыхание. – Здесь каждая тень – ухо. Каждый ветерок – шпион. Один твой вздох, пахнущий травой и солнцем, и нас обоих в лучшем случае посадят в темницу. А ты… – Я позволил паузе растянуться, наслаждаясь тем, как ее зрачки сузились от страха. – …так и не вернувшись к своей мамочке, оставшиеся столетия будешь гнить в четырех стенах.

Она сглотнула. Я видел, как задрожало ее – нет, не ее, Тас, черт побери! – горло, как напряглись тонкие мышцы под бледной кожей.

– Покажи еще раз. – Пробормотала она, и в ее голосе была не упрямая дерзость, а тихая, почти детская покорность.

Я отступил на шаг, давая ей пространство, но не выпуская из виду ни одного движения, ни одной дрожи. В этот момент мои глаза скользнули по нашему отражению в пыльном двор-

цовом зеркале, обрамленном витыми серебряными змеями. В его глубине застыли две фигуры, будто персонажи старинного портрета, написанного рукой безумного художника.

Она – высокая, как молодая ель, с белыми волосами, ниспадающими ледяными струями по плечам, и рогами – слегка красноватыми, прямыми, словно корона древних княгинь. Даже сейчас, в растерянности, ее поза говорила: «Я здесь – закон». Плечи расправлены, подбородок приподнят, будто даже в замешательстве она отказывалась склоняться.

Я же рядом с ней выглядел чужим – тенью, затесавшейся в королевские покои. Приемный сын командира Вена. Рыцарь без рода. Человек, который слишком много знает и потому обречен на вечную осторожность. Мои глаза, темные, как старые раны, метнулись к ее отражению, и на миг мне показалось, что в зеркале она смотрит на меня с холодным презрением – но нет, это лишь игра света.

– Давай попробуем кое-что другое, – Я медленно поднял руку, позволяя свету свечей скользнуть по коже. – Смотри.

Провел пальцами перед ее лицом, и вдруг – едва уловимое движение сухожилий и красноватый отблеск под ногтями. Они удлинились, заострились, превратившись в тонкие, отполированные когти.

– Анатасия никогда не забывает, что они – ее второе оружие.

Алиса замерла, впитывая каждое движение. Затем повторила – неуверенно, словно ребенок, впервые взявший в руки нож. Ее ногти дрогнули, подернулись чернотой, но тут же сжались, вернувшись к обычному человеческому виду.

– Почему не получается?! – Ее голос сорвался, став выше, грубее, совсем не таким, каким должен был быть.

Я невольно скривился, ощущая, как горький привкус разочарования расползается по языку.

– Потому что ты не веришь, что это твое тело. – Прошептал я, и в голове пронеслось: Как она вообще выживет здесь?

Тишина.

Шорох за дверью разорвал ее, резкий, как нож по шелку.

Мы оба застыли.

– Хозяйка?

Голос служанки – глухой, шелестящий, будто доносящийся из-под земли.

– Вам письмо от Леди Тэрри.

Я увидел, как зрачки Алисы расширились, поглощая алый свет ее глаз. Ее губы дрогнули, пальцы сжались в беспомощный кулак.

Сейчас она все испортит.

– …Оставь у двери.

Ее голос дрогнул, как тонкий лед под чьей-то неосторожной ступней. Слишком человеческое колебание. Слишком живая интонация.

Пауза.

Тяжелая. Медленная. Как нож, вонзаемый между ребер.

– Но… Леди Тэрри сказала передать лично.

Мои пальцы сжали рукоять меча – старый рефлекс, выточенный годами службы. Кожаные обмотки заскрипели под перчаткой. Один шаг служанки за порог – и клинок вырвется из ножен.

– Разве ты не слышала?

Мой голос просочился сквозь щель под дверью, тише змеиного шепота, но острее отточенной стали.

– Госпожа не в духе.

Последние слова упали в тишину, как капли крови на мрамор.

Шуршание шелкового подола.

Торопливые шаги – сначала осторожные, потом все быстрее, пока не перешли в почти бег.

Алиса обмякла, как подкошенный цветок, и рухнула на край кровати. Ее пальцы впились в парчу покрывала, вытягивая золотые нити из вышивки.

– Спасибо…

Шепот сорвался с губ, влажный и дрожащий.

Я резко отвернулся, чтобы не видеть, как тень от ее ресниц ложится на бледные, чужие скулы.

– Это не для тебя.

Холодные слова повисли, между нами.

– Для нее.

Тишина.

Где-то за окном сорока вскрикнула – резко, тревожно.

– И запомни хорошенько…

Я провел пальцем по пыльному резному подоконнику, оставляя четкую черту на столетней патиме.

– …Слуги этого дома обращаются к Анатасии не "Хозяйка", а "Госпожа".

Поворот.

Взгляд – жесткий, как удар.

– …И у всех есть спрятанная на воротнике вышитая буква "А".

Пауза.

– Здесь шпионы – чаще, чем пыль в библиотеке.

Алиса вдохнула – глубоко, судорожно.

– Понятно…

Ее голос осел, потрескался, как пересохшая глина.

Голова опустилась – не гордый наклон Анатасии, а сломанный жест напуганной девчонки.

Где-то в коридоре упала и покатилась жемчужина с чьего-то ожерелья.

Мы оба замерли, считая ее удары о каменные плиты.

Один.

Два.

Три…

Тишина.

День, пропитанный потом и напряжением, подходил к концу. Руки Алисы дрожали, как осиновые листья на ветру, пальцы сжимались и разжимались в тщетной попытке поймать ритм чужого дыхания – ровного, холодного, нечеловеческого.

– Я не могу так.

Ее голос раскрошился, став хриплым, слишком грубым, слишком живым.

– Эти… когти. Они будто чужие.

Я закрыл глаза, чувствуя, как усталость накатывает тяжелой волной.

– Потому что ты пытаешься их сделать, когда они в тебе уже есть.

Поднял руку, показав на центр ладони – точку, где сходились все линии, все нити ее нового тела.

– Просто найди нужную точку, и это произойдет так же естественно, как дыхание.

Пауза.

– Или моргание.

Алиса вздрогнула, вскочила так резко, что белые волосы – шелковистые, чужие – хлестнули меня по лицу.

– Отлично! – ее голос взлетел, зазвенел, как разбитый стеклянный кубок. – А я не понимаю, как найти эту точку среди множества запятых!

Ее голос сорвался на крик, и я мгновенно прижал ладонь к ее рту.

– Тише.

Мое предупреждение пролилось в тишину, как яд из острого клинка.

– Ты только что уничтожила полчаса тренировки.

Глаза Алисы расширились, в них плескался испуг, ярость, бессилие.

– Анатасия не кричит.

Я наклонился ближе, чувствуя, как ее дыхание обжигает мои пальцы.

– Она может "разорвать" тебя взглядом, но голос ее всегда – лед и шелк.

Алиса замерла.

Ее глаза – красные, как и у всех Люц, но без привычной мне глубины, без того холодного блеска, что прожигал насквозь – метались по комнате, цепляясь за тени, за отблески свечей, за собственное отражение в зеркале.

– Хорошо.

Она выдохнула, отстраняясь, и в этом движении было что-то от раненого зверя.

– Попробую снова.

***

Раннее утро.

Тьма за окном еще не успела отступить перед рассветом, и в воздухе витал холодный, почти металлический запах ночи. Я проснулся от звука разбитого стекла – резкого, звонкого, будто крик в тишине.

Спальня Анатасии была словно сцена из сюрреалистичного кошмара. Тысячи осколков, острых и беспощадных, рассыпались по черному мрамору пола, отражая тусклый свет уличных фонарей. Они сверкали, как застывшие капли ртути, мертвые и ядовитые. А в центре этого хаоса стояла она – бледная, почти прозрачная, с трясущимися руками, сжимающими в кулаке осколок. Из-под ее пальцев сочилась густая черная кровь, медленно стекая по запястью и капая на пол.

– Что произошло? – Мой голос прозвучал глухо, неестественно спокойно, будто я уже знал ответ, но боялся его услышать.

Она медленно разжала пальцы. Осколок с глухим стуком упал на мрамор, оставив после себя кровавый след – темный, почти черный в этом свете.

– Я пыталась увидеть «ее» своим взглядом. – Прошептала она. Губы ее искривились в подобии улыбки, но в глазах не было ничего, кроме пустоты. – Не сработало.

Я застонал, чувствуя, как в висках нарастает тупая, пульсирующая боль. В комнате пахло железом и чем-то еще – чем-то горьким, отдаленно напоминающим страх.

– Ты… могла просто спросить меня. – Выдавил я, зная, что это ничего не изменит.

Тень пробежала по ее лицу. Она посмотрела на свои окровавленные пальцы, потом на меня – и в этом взгляде было столько отчаяния, что мне захотелось отвернуться. Но я не смог.

– А ты бы ответил?

Ее голос был тихим, но в нем дрожала сталь. Она повернулась ко мне, и в этом движении было что-то настолько знакомое, что у меня перехватило дыхание. Тот же взгляд сверху вниз, с которым Тас оценивала неудачливых подчиненных – холодный, безжалостный, словно лезвие по горлу.

– Ты все время твердишь, что я должна чувствовать, а не думать. Вот я и попробовала.

Я замер. Внезапное осознание ударило, как током: передо мной уже не растерянная девочка, а кто-то, кто начинает понимать.

– Разбитое зеркало – дурной знак. – Пробормотал я, наклоняясь за осколками. Они были холодными и необычайно острыми, будто впивались в кожу даже без нажима.

– Суеверия? – Ее смешок прозвучал чужим, неестественным в этом еще слишком юном теле. – Не думала, что демоны в них верят.

– Не в суеверия. – Я резко выпрямился, сжимая осколки в кулаке. – В символы. Ты только что уничтожила единственное, что могло показать ее отражение.

Алиса побледнела. В ее глазах мелькнуло что-то дикое, почти животное – страх, ярость, отчаяние, слитые в одно.

– Я…

Ее голос сорвался, словно зацепившись за что-то внутри.

– Неважно.

Я резко швырнул осколки в угол. Они рассыпались мертвым дождем, звеня, как кости.

– Но, если хочешь чувствовать – давай по-настоящему.

Резким движением я схватил ее за запястье и прижал ее ладонь к своей груди. Ее пальцы дрожали, но уже не так сильно, как в первые дни.

– Чувствуешь?

– Твое… сердце? – Она попыталась вырваться, но моя хватка была железной.

– Отсутствие сердцебиения.

Я сильнее вдавил ее ладонь в плоть.

– Демоны – не люди. Наша мана заменяет пульс. Ты все еще дышишь. Все еще краснеешь. Ты не чувствуешь это тело – ты в нем сейчас гостья.

Ее глаза, эти чужие, но уже более знакомые, расширились. В них читалась не просто растерянность.

Жажда.

– Как… перестать быть гостьей?

Я разжал пальцы, оставив на ее запястье тонкие царапины от когтей.

– Перестань бояться его.

Мой взгляд скользнул по ее окровавленной ладони.

– Анатасия не боится ничего. Даже собственной крови.

Она медленно подняла руку, разглядывая ее, будто впервые. Затем взглянула на меня – и в ее глазах больше не было прежней нерешительности.

Только ледяная, расчетливая ярость.

И в этот момент я понял:

Зеркало разбилось не просто так.

Вместе с ним треснула и та тонкая грань, что отделяла Алису от той, чье тело она теперь носила.

Где-то в доме снова что-то упало.

Но теперь это уже не имело значения.

Глава 5. Другая

Выйдя из кафе, я погрузилась в холодный вечер, который, казалось, проникал под кожу, напоминая, насколько я здесь чужая. Нос уткнулся в воротник куртки – жесткий, пропитанный чужими духами. Сладковато-цветочный аромат, слишком навязчивый, слишком *не мой*, витал вокруг, как назойливое напоминание: "Ты не здесь. Ты не она."

Я шла, сгорбившись, будто пыталась спрятаться в этом чужом теле, которое носило имя Алиса. Ноги двигались на автомате, но каждый шаг отдавался странной тяжестью, будто земля подо мной была чуть более вязкой, чем должна быть. Улицы, фонари, прохожие – всё казалось слегка размытым, как в плохо снятом фильме.

"Это не моя жизнь. Это её жизнь. А я просто застряла здесь, как актриса, забывшая текст."

– Эй, осторожнее!

Резкий оклик вырвал меня из мыслей. Я инстинктивно отпрыгнула в сторону, но плечом всё равно задела высокого парня в потрёпанной косухе. Он резко обернулся, и я уже приготовилась к потоку матов – его глаза сверкнули раздражением, губы сжались в готовности выплюнуть что-то колкое.

Но потом его взгляд упал на моё лицо, и выражение изменилось так резко, будто кто-то переключил кадр.

– Алиса? Серьёзно? – Его голос дрогнул, но не от злости – в нём прозвучало что-то другое. Обида? Разочарование? – Я уже думал, тебя похитили инопланетяне. Или мы тебе настолько неинтересны?

"Мы".

Слово прозвучало, как гонг, отдаваясь в висках. Кто эти *мы*? Почему он смотрит на меня так, будто я обязана знать ответ? Будто я *предала* их.

Мой желудок сжался в тугой узел, а в горле пересохло. Я бегло оглядела его – светло-каштановые волосы, собранные в небрежный хвост, гитарный ремень через плечо, потёртые джинсы. *Музыкант. Друг Алисы. Или… больше?*

– Я… приболела. – Выдавила я, нарочито хриплым голосом, будто это объясняло всё.

Он фыркнул, скрестив руки на груди.

– Опять? В прошлый раз у тебя «внезапно сломались все струны», а перед этим – «экзамен по квантовой физике». Хотя ты учишься на дизайнера. – Его глаза сузились, и в них мелькнуло что-то острое, почти подозрительное. – Ты вообще понимаешь, что без тебя мы не можем закончить альбом?

Альбом. Группа. Гитара. Боже, я даже не знаю, как держать медиатор.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодный пот.

– Конечно, понимаю, просто… – Я намеренно пошатнулась, прижав ладонь ко лбу, изображая слабость. – У меня… температура… всё плывёт…

– Плывёт. – Повторил он, и его голос стал ледяным. – И имя нашего барабанщика тоже уплыло?

Ловушка.

Я замерла. В ушах застучало. *Какой ответ? Какой ответ?!*

– Эээ… Миша? – Рискнула я, вспоминая самое распространённое имя для русских барабанщиков.

Он застыл.

– Миша бросил группу полгода назад. После того, как ты назвала его барабанную партию «музыкальной диареей».

Чёрт. Чёрт-чертище.

Я закашлялась так натурально, что даже сама поверила в свою болезнь, схватившись за стену.

– Ой… прости… мне правда плохо…

Ноги подкосились сами собой – актёрский талант, вдруг проснулся в самый нужный момент.

Парень поймал меня за локоть. В его глазах мелькнуло беспокойство, пробивающееся сквозь раздражение.

– Ты выглядишь как смерть. – Пробормотал он, доставая телефон. – Вызову такси и позже я тебе позвоню. Но если завтра не появишься – приду и лично впихну в тебя таблеток.

Я кивнула, едва сдерживая дрожь облегчения.

Но когда дверь такси захлопнулась, я услышала, как он бормочет себе под нос:

– Странно… она же наизусть знала все партии…

– Куда едем? – Раздался хрипловатый голос водителя, и я вздрогнула, будто пойманная на месте преступления.

В салоне пахло дешёвым освежителем воздуха с ароматом "морской свежести", который лишь подчёркивал затхлость старой "Волги". Я закусила губу, чувствуя, как ладони становятся липкими от пота.

– Просто… вперёд. – Прошептала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он бросил на меня косой взгляд через зеркало заднего вида – наверное, решал, стоит ли везти эту странную пассажирку, которая не знает, куда ей нужно. Но жёлтые огни фонарей за окном уже плыли мимо, и я судорожно вцепилась в телефон, будто это единственный спасательный круг в этом чужом мире.

Пальцы дрожали, когда я набирала в поиске:

Как выучить рок-альбом за одну ночь

Основы игры на гитаре для чайников

Как не облажаться, притворяясь музыкантом

Каждый новый запрос казался всё более абсурдным. Я представляла, как завтра стою на сцене с гитарой, не зная ни одной песни, а вокруг – десятки разгневанных глаз, которые ждут от меня того, чего я никогда не смогу дать.

"Где YouTube? Где хотя бы тексты песен?" – лихорадочно листала я вкладки, но интернет вдруг стал работать с чудовищными задержками.

Водитель кашлянул:

– Может, всё-таки определитесь с адресом?

Я не ответила. В голове стучало только одно, навязчивое и пугающее:

"Господи, сколько ещё этих «друзей» вылезет из ниоткуда? Кто следующий? Лучшая подруга? Парень? Учитель по вокалу?"

Каждый новый человек в этой жизни Алисы – как минное поле, где один неверный шаг – и я разорвана на куски.

За окном мелькали тёмные силуэты домов, и вдруг один из них показался знакомым. Тот самый дом, где я проснулась сегодня утром в чужом теле.

– Останавливайтесь здесь! – Вырвалось у меня неожиданно резко.

Такси резко дёрнулось к обочине. Я швырнула водителю купюры, которые нашла в куртке, даже не дослушав его возмущённое: – Сдачи-то подожди!

Но мне было не до него. Я уже выскакивала на тротуар, чувствуя, как холодный ветер бьёт в лицо. Этот дом, этот проклятый дом – единственное, что хоть немного напоминало мне что-то знакомое в этом кошмаре.

Дверь подъезда с противным скрипом приоткрылась, выпуская наружу струю тёплого воздуха, смешанного с запахом сырости и десятилетий не мытого линолеума. В проёме возник парень с велосипедом – высокий, в потрёпанной ветровке, с наушниками на шее. Он задержал дверь локтем, пропуская меня, даже не глядя в мою сторону. Я проскочила в узкую щель, едва не задев плечом его велосипедное колесо.

"Спасибо" – Хотела было сказать, но язык будто прилип к нёбу. Вместо этого я только кивнула, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

Вдохнула.

Тот самый запах – затхлый, с нотками старой краски, табачного дыма и чего-то ещё, чего я не могла определить. Утром этот аромат казался мне отвратительным, враждебным, чужим. Но теперь… Теперь он пах почти как дом. Почти как что-то знакомое.

Я зажмурилась на секунду, пытаясь поймать это странное ощущение. Как будто тело Алисы помнило то, чего не знала я. Как будто её мышцы сами собой напряглись, готовясь к подъёму на третий этаж.

Первая ступенька. Вторая.

Ноги дрожали так, будто я только что пробежала марафон. Не мои ноги. Её ноги. Но сейчас они были моими, и каждая ступенька давалась с трудом.

"Почему так тяжело?" – Пронеслось в голове, когда я, хватаясь за липкие от многочисленных прикосновений перила, тащила себя вверх.

Рука сама потянулась к звонку.

Я замерла.

"Нет, глупая, у тебя же есть ключ." – Мысленно отругала себя, роясь в карманах.

Металлический холодок ключа неприятно кольнул пальцы. Замок скрипнул, нехотя принял ключ, брякнул что-то внутри себя – и наконец сдался, разрешив войти.

Этот звук – металлический, резкий, безжизненный – почему-то отозвался где-то глубоко внутри. Как будто я слышала его сотни раз. Как будто это было… привычно.

Я задержала дыхание, прислушиваясь к спокойствию квартиры за дверью.

Едва мне удалось перешагнуть порог, тишину разорвал знакомый голос, прозвучавший из глубины квартиры:

– Это ты так тихо подкрадываешься? – В голосе звучала теплая насмешка, перемешанная с лёгким укором.

Я замерла на пороге, будто вкопанная. В горле резко пересохло, а сердце начало бешено колотиться, отдаваясь глухими ударами в висках.

Мама Алисы.

Сегодня утром я видела её мельком – живая, настоящая, с запахом свежесваренного кофе, который витал за ней, как шлейф. Она торопилась на работу, бросив на ходу небрежное: "Не забывай помыть посуду!" – и даже не заметила, как мои руки дрожали, когда я подносила ко рту кусочек бутерброда.

А теперь… Теперь мне предстояло провести с ней целый вечер. Лицом к лицу. Глаза в глаза.

Я стояла в прихожей, сжимая в потных ладонях края куртки, чувствуя, как по спине бегут мурашки. В ушах звенело.

– Алиса? – Из кухни послышались шаги.

В дверном проёме появилась женщина. Руки её были в мыльной пене – видимо, она как раз мыла посуду. На лице читалось лёгкое беспокойство.

– Ты чего молчишь?

Её глаза – серо-зелёные, совсем не такие, как у "меня" в зеркале – изучали моё лицо с материнской пристальностью. В них мелькнуло что-то… настороженное?

Я почувствовала, как под этим взглядом кожа на лице начинает гореть.

– Да просто… устала. – Выдавила я, отводя взгляд.

Она не отвечала. Тишина повисла, между нами, плотной завесой.

Я украдкой скользнула взглядом по её лицу – морщинки у глаз, следы усталости на лбу, чуть потрескавшиеся от воды губы. Её мама. Настоящая. А я…

– Опять эти твои репетиции до ночи. – Наконец вздохнула она, возвращаясь к раковине. – Разогрею тебе ужин.

Но прежде, чем уйти, она на мгновение остановилась и, не оборачиваясь, тихо добавила:

– Ты сегодня какая-то… другая.

Мои пальцы вцепились в куртку ещё сильнее.

"Она чувствует. Она знает."

Я закрыла глаза, чувствуя, как по щекам катятся предательские слёзы.

– Это пройдёт. – Прошептала я – то ли ей, то ли себе. – Это обязательно пройдёт.

Но в глубине души я понимала: ничего не пройдёт. Потому что это не простуда, не усталость, не плохое настроение.

Это я. Чужак в теле её дочери.

И с этим ничего нельзя было поделать.

Я сделала шаг в комнату – свою и одновременно совершенно чужую. Утром я осматривала её как следователь на месте преступления, выискивая улики, подсказки, хоть что-то, что могло бы объяснить этот кошмар. Теперь же каждый предмет будто излучал тепло чужой жизни.

Постеры на стенах – не просто картинки, а части души Алисы. Фломастеры, разбросанные на столе с детской небрежностью, казалось, только что выпали из её пальцев. Вязаный плед на кровати сохранял очертания тела, будто его обладательница лишь на минуту вышла… и не вернулась.

Внезапный писк телефона заставил меня вздрогнуть. На экране – "Макс. Входящий вызов". Опять. Я сжала аппарат в руке, чувствуя, как по телу разливается волна беспомощного гнева, и швырнула его в подушку. Там, в мягкой пучине, он продолжал настойчиво вибрировать, словно живое существо.

Дверь скрипнула. Я резко обернулась.

– Держи. – Мама стояла на пороге, в руках – кружка, от которой поднимался лёгкий пар. Её лицо в полумраке выглядело усталым, но в глазах светилось что-то тёплое. – Ромашковый. Чтобы голова не болела.

Я взяла чашку, и наши пальцы на мгновение соприкоснулись. Её руки были шершавыми от работы, но такими тёплыми… Живыми.

Она вдруг подняла руку и поправила мои волосы – лёгкое, привычное движение, отточенное годами. Пальцы скользнули по виску, задев кончик уха, и в этот момент что-то внутри дрогнуло. В носу запершило, глаза снова наполнились слезами. Я резко опустила голову, пряча лицо за чашкой.

– Спасибо. – Прошептала я, и голос мой дрогнул. Пар от чая обжёг лицо, смешавшись с предательскими слезами.

В этом простом жесте было столько… материнского. Столько настоящего. И это убивало больше всего – потому что я знала: эти нежные пальцы, поправляющие волосы, эта забота, этот взгляд – всё это предназначалось не мне.

Я жадно глотнула горячий напиток, чувствуя, как он обжигает горло. Может, боль отвлечёт? Может, хоть это поможет не разрыдаться здесь и сейчас, не признаться во всём, не упасть на колени с криком: "Я не ваша дочь! Верните мне меня!"

Но я лишь сжала чашку крепче, чувствуя, как её тепло проникает в мои ледяные пальцы.

За дверью зазвонил домашний телефон. Мама вздохнула:

– Бесконечные эти звонки… – И вышла, оставив меня наедине с чашкой чая и неподъёмной тяжестью обмана.

Я поставила чашку на стол и прижала ладонь к голове, ровно на то место, где раньше находились рога.

– Прошу, кто-нибудь, дайте мне сил прожить хотя бы этот вечер. Хотя бы сегодняшнюю ночь. Хотя бы… завтрашний день.

Внезапно в сознании вспыхнула спасительная мысль, словно луч света в кромешной тьме. Я резко подскочила к кровати, почти пролив остатки ромашкового чая, и схватила телефон. Пальцы дрожали, когда я набирала в поисковой строке: "Алиса Candy Rain live".

Сердце бешено колотилось, пока страница загружалась с мучительной медлительностью. "Ну пожалуйста, пусть что-то будет…" Наконец, после вечности ожидания, на экране появились результаты – несколько любительских съёмок с концертов, датированных последними месяцами.

Я ткнула в первое видео пальцем, который вдруг стал непослушным, как у младенца. На экране замерцало изображение – плохое качество, дрожащий кадр, но… Это была ОНА. Алиса. Настоящая.

Камера крупным планом показывала её руки на гитарном грифе. Пальцы двигались с гипнотической уверенностью, перебирая струны в сложном ритме. Затем кадр дрогнул, показав её лицо – сосредоточенное, озарённое сценическим светом, с тёмной прядью волос, выбившейся из-за уха.

И этот голос…

Когда она запела, у меня перехватило дыхание. Голос Алисы был сильным, чистым, наполненным какой-то внутренней мощью, которая заставляла дрожать даже через дешёвые динамики телефона.

Мои собственные руки начали дрожать сильнее. Я сжала их в кулаки, но это не помогло. "Как, КАК я смогу так играть? Я даже не знаю, как правильно держать медиатор!"

Взгляд упал на гитару в углу комнаты – потрёпанный, но явно дорогой инструмент с потертостями на корпусе, свидетельствующими о годах использования. Утром я лишь мельком заметила её, теперь же она казалась мне страшным орудием пыток.

С гулким стуком сердца я подошла и взяла гитару в руки. Она оказалась неожиданно тяжёлой. Запах дерева, лака и металла ударил в нос. Я попыталась повторить позу Алисы с видео, но сразу почувствовала, как неестественно это выглядит.

Первые попытки извлечь звук были катастрофой. Струны противно дребезжали, пальцы левой руки немели, не желая зажимать лады. Мизинец предательски дрожал, отказываясь слушаться. Я ущипнула струну слишком сильно – раздался фальшивый визг.

"Чёрт!" – я чуть не швырнула инструмент, но вовремя остановилась.

Закрыв глаза, я сделала глубокий вдох. Хотя бы один аккорд. Хотя бы один проклятый аккорд.

Я снова посмотрела видео, на этот раз замедлив воспроизведение. Пальцы Алисы двигались так плавно… Я попыталась скопировать положение её руки.

Боль.

Струны впивались в подушечки пальцев, оставляя красные отметины. На экране видео Алиса играла сложный пассаж, её пальцы порхали по грифу, а я… Я не могла даже правильно зажать простейший аккорд.

Капля пота скатилась по виску. Время шло, а прогресса не было. Я снова и снова пыталась, пока пальцы не начали неметь от боли, а в ушах не зазвенело от напряжения.

"Нет, нет, нет! Это невозможно!" – я чуть не зарыдала от отчаяния.

Но потом…

На пятидесятый, на сотый раз… Что-то щёлкнуло. Один аккорд прозвучал почти правильно. Почти как в видео.

Я замерла, боясь пошевелиться, будто это хрупкое звучание могло рассыпаться от любого движения.

Ещё раз… Ещё…

Мышцы ныли, спина затекла, но я продолжала. Потому что завтра была репетиция. Потому что Макс ждал. Потому что…

Потому что у меня не было другого выхода.

И в этот момент я вдруг осознала страшную вещь: я больше не помнила, как звучит мой собственный голос. Настоящий. Не Алисин.

А гитара в моих руках тихо звенела, будто смеялась надо мной.

Глава 6. Тень надежды

Плато Серы дышало жаром, словно гигантская кузница всего мироздания. Ветер, насыщенный серными испарениями, обжигал лицо, а под ногами потрескивали раскаленные камни, покрытые тонким слоем черного пепла. Только что закончившаяся тренировка с новобранцами прошла неожиданно спокойно – ни одного серьезного ранения, ни одной попытки бунта. Даже самые тупоголовые рекруты, кажется, почуяли мое состояние после "того самого инцидента с зеркалом".

Я снял перчатки, наблюдая, как черная пыль медленно оседает на полированные доспехи. Каждая частица напоминала о днях, когда Тас стояла рядом, скрестив руки на груди, и отпускала свои язвительные комментарии по поводу каждого моего движения.

"Если будешь размахивать мечом, как дворник метлой, тебя и примут за уборщика, Ти. Хочешь, я попрошу отца выдать тебе соответствующий инвентарь? Может, веник к мечу добавить для полного антуража?"

Неожиданная улыбка сама собой появилась на моих губах. Даже ее колкости сейчас казались… бесконечно далекими.

Гонец из дома Люц появился как раз в этот момент. Его темно-красная ливрея выделялась на фоне серых стен, а шаги были настолько тихими, что я заметил его лишь в нескольких шагах от себя.

– Господин Тиабольт, – Он склонился в почтительном поклоне, тщательно избегая встретиться со мной взглядом. – Архидемон требует вашего немедленного присутствия. Его слова: 'Пусть явится прежде, чем луна достигнет зенита'.

Я кивнул, чувствуя, как в груди сжимается холодный ком. По пути во дворец мои мысли лихорадочно перебирали возможные причины вызова. Худший вариант – он уже знает. Лучший… если честно, лучшего варианта я не видел.

Черные мраморные залы дворца Люц встретили меня неестественной тишиной. Обычно здесь сновали десятки слуг, разносились приглушенные голоса, звенела посуда. Теперь же – лишь редкие тени, крадущиеся вдоль стен, да тревожный шепот, обрывающийся при моем приближении.

У дверей кабинета Архидемона стояла Мираэль – старшая горничная. Ее всегда безупречный чепец был слегка сдвинут, а пальцы нервно перебирали складки платья, оставляя на дорогой ткани мокрые от пота следы.

– Он знает, – Прошептала она, когда я поравнялся с ней. – Старая Лира… она доложила ему о состоянии госпожи. Без подробностей, но… достаточно.

Я лишь кивнул, чувствуя, как холодная волна прокатывается по спине. Дверь передо мной приоткрылась сама собой, впуская в зловещий полумрак кабинета.

Архидемон Алион сидел за массивным дубовым столом, его могучие рога – величественные, как ветви тысячелетнего дуба – отбрасывали причудливые тени на стены, покрытые старинными картами и свитками. Перед ним, сгорбившись, стояла та самая старая горничная – Лира, ее морщинистое лицо было бледным, а руки дрожали.

– Выйди. – Произнес Архидемон, даже не поднимая головы. Его голос звучал спокойно, но в этом спокойствии таилась такая угроза, что у меня похолодели даже кончики пальцев.

Когда дверь за старухой закрылась, в кабинете воцарилась тишина, настолько густая, что я почти слышал биение собственного сердца. Архидемон медленно поднял голову, и его глаза – такие же красные, как у Тас, но в тысячу раз старше и холоднее – впились в меня.

– Ты знал.

Это не был вопрос. Это был приговор.

Я выпрямился во весь рост, чувствуя, как по спине пробегают ледяные мурашки.

– Да.

Тишина повисла, между нами, тяжелая, как погребальный саван. Архидемон отодвинул от себя пергамент с печатью, и я увидел, что это – список кандидатов на предстоящий экзамен. Имя Анатасии стояло первым.

– Экзамен не будет отменен. – Наконец произнес он, и каждое слово падало, как камень.

– Но она… – Начал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.